

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА В XVI СТОЛЕТИИ

Оружейная палата - один из известнейших в мире музеев, в собраниях которого хранятся уникальные памятники русского, западноевропейского, восточного ювелирного искусства, оружейного мастерства, ткани, иконы, государственные регалии России. Однако начальные страницы истории этой сокровищницы остаются неисследованными. Более того, до сих пор не существует единого мнения - чем же являлась Оружейная палата в XVI-XVII вв.? Г.Л. Малицкий, автор одной из наиболее значительных работ, посвященных ее истории, рассматривал оружейную палату как часть государевой казны, ставшей основой будущего музея. По мнению И.Е. Забелина, Оружейная палата была настоящей академией художеств средневековой России². В схеме приказной системы России XVI-XVII вв., составленной А.К. Леонтьевым, палата оказалась в составе малозначительных военных приказов³. Наиболее полно деятельность Оружейного приказа была представлена в работах Ю.В. Арсеньева⁴. В статьях же Н.В. Гордеева и М.Н. Ларченко перед нами разворачивается деятельность палаты, прежде всего, как придворной оружейной мастерской⁵.

Одним из наименее исследованных, из-за практически полного отсутствия источников, периодов в истории Оружейной палаты является XVI столетие, которому посвящена всего лишь одна небольшая статья С.О.Шмидта⁶. В настоящей статье сделана попытка по мере возможностей собрать все имеющиеся в нашем распоряжении известия об Оружейной палате в XVI столетии, обобщить их и на этом основании определить время ее создания, ее структуру и основные функции.

Сохранилось два летописных упоминания об Оружейной палате, относящихся -к XVI в. Наиболее известное датировано 1547 г. и содержится в Царственной иге⁷. Именно оно находится в центре внимания статьи С.О.Шмидта и посвящено-страшному пожару в Москве, в результате которого почти полностью выгорел Кремль, сильно пострадал Китай-город и многие районы посада. При его описании летописец отметил, что «... и Оружничья палата вся погоре с воиньским оружием»⁸ (ил. 1). Однако, по мнению С.О. Шмидта, 1547 год не является датой создания Оружейной палаты, аналогично тому, что 1147 год - не дата основания Москвы, а только первого ее упоминания в летописи⁹. В 1978 г. в статье в газете «Известия» он же, ссылаясь на исследования главного хранителя Музеев Кремля Е.С. Сизова, привел еще более ранние свидетельства о ее существовании¹⁰. Основой этому послужила информация в опубликованных М.Н.Тихомировым малоизвестных летописных памятниках XVI в. о заточении в 1537 г. князя Андрея Ивановича Старицкого: «Пойман бысть князь Андрей Иванович и посажен в набережной в оружельничей полате»¹¹. Более ранних свидетельств пока не обнаружено. Нет упоминаний и о наличии у московских великих князей какой-либо оружейной казны. Правда, в первой духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича упомянуты сабли золотые, но в более поздних документах, даже в весьма подробном завещании великого князя Ивана III ни слова не сказано об оружейной не или просто о предметах вооружения¹².

1. Пожар 1547 г. в Московском Кремле. Миниатюра из Царственной книги, л. 298. ГИМ

Вопрос о времени возникновения Оружейной палаты тесно переплетен с проблемой происхождения ее названия. Во всех дошедших до нас летописных известиях XVI столетия Оружейная палата называется «оружничья» или «оружельничья». Нельзя не согласиться с точкой зрения С. О. Шмидта, что термин «оружничья» образован от придворного чина «оружничий», - согласно словарю И.И. Срезневского, заведующий оружием. Словом же «полата» в XVI в. обычно называли каменные здания. Таким образом, «оружничья полата» это не что иное, как здание, где хранилась оружейная казна, находившаяся в ведении оружничего¹³. Однако ряд косвенных источников позволяет считать, что в XVI - начале XVII в. «оружничья полата» представляла собой не отдельное здание, а часть Набережного дворца. В приведенном выше летописном известии за 1537 г. достаточно четко говорится, что князь Андрей Старицкий был заточен «в набережной в оружельничей полате». Такая же информация содержится и в «Записке о государевом дворе» начала XVII в., где «оружничья полата» перечислена вместе с другими помещениями Набережных хором¹⁴. Следует отметить, что и в более позднее время помещения Набережного дворца постоянно входили в состав комплекса Оружейной палаты. Согласно И.Е. Забелину, каменные палаты, впоследствии получившие название Набережные, были заложены с западной стороны Благовещенского собора итальянским архитектором Марко Руффо еще в 1487 г., а в 1499 г., после сильного пожара строительство было продолжено «фрязином Алевизом» и завершено в 1508 г.¹⁵ По береговой линии дворец простирался от «казны» (Казенного приказа) до церкви Иоанна Предтечи на Бору. Интересно, что и И.Е. Забелин отметил, что именно здесь «в полате, что на дворце, в 1537 г. скончался в заключении, уже, страдальческой смертью князь А.И. Старицкий»¹⁶. Примерно тем же временем, что и завершение строительства (1511/1512 г.), датируется и первое упоминание придворного чина - «оружничий»¹⁷.

Исторические корни происхождения этой должности проследить достаточно сложно. В нашем распоряжении имеются всего лишь два упоминания о существовании в дружине великих князей Владимирских должности «меченоши», выполняющего, по мнению ряда специалистов, функций оруженосца князя¹⁸. Учреждение чина «оружничий» в начале XVI в. А.А. Зимин связывал с распространением ручного огнестрельного оружия и необходимостью, вследствие этого, централизованного снабжения им русского войска¹⁹. Позволим себе не согласиться с подобной точкой зрения. Во-первых, не следует переоценивать роли ручного огнестрельного оружия в системе вооружения начала XVI столетия. Тогда оно еще не являлось господствующим. По мнению А.Н. Кирпичникова, в течение всего XVI в. кони оснащенная холодным оружием, преобладала, чем и объясняется, что вплоть до начала XVII в. в полевой борьбе широко использовались традиционные, доогнестрельные. средства и приемы боя²⁰ (ил.3). Говоря о широком распространении огнестрельного оружия в конце XV - начале XVI в., А.А. Зимин ссылается на упоминания в летописных и других источниках о псковских, московских и новгородских пищальниках²¹. Однако их нельзя полностью отождествлять с пехотой, вооруженной ружьями и характерной не для начала, а для середины XVI в. В начале столетия под этим термином упоминаются, в первую очередь, артиллеристы, обязанностью которых было управление орудиями-пищальями²². Во-вторых, к введению централизованного снабжения приводит не столько появление нового вида оружия, сколько система организации войска. Хотя вооруженные силы русского государства в этот период и развивались по пути создания централизованной армии, завершение этого процесса исследователи относят уже ко второй половине XVI в.²³ Более того, в первой трети столетия продолжалось использование крупных отрядов удельных князей и отдельных земель, организация вооружения которых, в том числе и огнестрельным оружием, происходила во многом за счет местных органов управления и мастеров. Главную же роль, по нашему мнению, в учреждении чина «оружничий» сыграли важнейшие качественные и количественные изменения в структуре великокняжеского двора, его эволюция в царский двор, появление нового придворного церемониала, в том числе связанного с оружием, что неоднократно в своих работах подчеркивал сам А.А. Зимин²⁴.

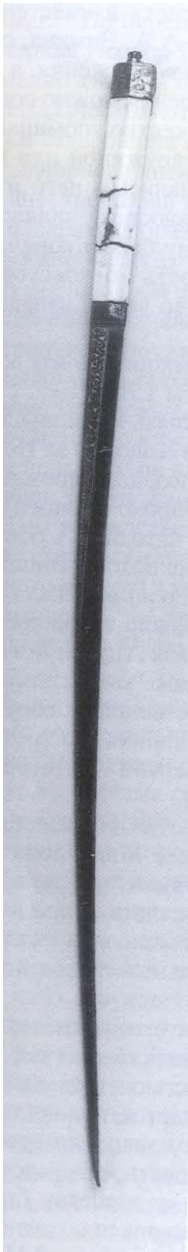
Круг обязанностей оружничьего в XVII в. хорошо известен. В его ведение входила Оружейная палата, состоявшая из «Большой государевой оружейной казны и мастерской, он же являлся главой Оружейного приказа. В XVII в. Оружейная палата являлась составной частью приказа. Здесь хранилось и изготавливали царское боевое, парадное и охотничье оружие, а также предметы дворцового быта. Функции Оружейного приказа были шире - организация производства и распределение вооружений в русском войске. Можно предположить, что подобная структура существовала уже в XVI столетии. Сохранилось чрезвычайно интересное упоминание в разрядах встречи польских послов за 1537 г., где утверждалось, что Федор Иванович Карпов, принимавший активное участие в этой встрече, «не пошлой» (то есть не старый) оружничий, а ведает «доспех» и «мастеры» после своего брата Никиты Ивановича Карпова²⁵. По мнению А.А. Зимина, слово «доспех» здесь является определением не оборонительного вооружения, а всей оружейной казны в целом²⁶. Думается, что с такой точкой зрения можно согласиться. В различных исторических источниках сохранилось множество упоминаний о том, что тяжелая броня, а также запасное оружие везли за дружиной или войском в специальном обозе и только перед битвой воины облачались в него и вооружались. В русском языке, по И.И. Срезневскому, термин «доспех» являлся синонимом к слову «вооружение», а словосочетание «доспешну быти» означало «быть готовым к битве». Можно вспомнить, что нерасторопность

московской дружины на реке Пьяне, когда броня и оружие остались в обозе во время нападения царевича Арапчи, стоила ей поражения.

Впервые термин «доспех» вместе с должностью оружничего мы встречаем в разрядах похода великого князя Василия III в Боровск за 1512 г.: «... с ним же (с оружничим.- А. Л.) доспеху стряпают Юшка да Васюк князь Ивановы дети Щетинины»²⁷. Эта же фраза повторяется и в разрядах похода в Коломну за 1521 г.²⁸ Слово «доспех» встречается в разрядах походов и более позднего времени. Скорей всего, здесь речь идет о походной оружейной казне, сопровождавшей князя. Это своего рода миниатюрная Оружейная палата, в которой находилось боевое, парадное и охотничье оружие, которым пользовались во время похода. Вполне возможно, что в более раннее время походная казна выполняла роль арсенала для дружины, а затем и «двора» великого князя. По-видимому, именно такой арсенал фигурирует в летописном известии за 1174 г. об убийстве князя Андрея Боголюбского. Заговорщики, убив князя, «воземьше на ся оружья княже милостыное»²⁹. Существуют четыре точки зрения по поводу термина «милоственник»: соответственно первой, это слуги князя, по второй - ближайшие дружинники, по третьей - «любимцы» князя, близкие к нему члены дружины, по четвертой - категория княжеских людей, близкая к дворянам³⁰.

Среди документов Оружейной палаты XVII столетия сохранилась роспись оружейной казны, которая находилась при царе Алексее Михайловиче во время войны с Речью Посполитой³¹. Документы свидетельствуют, что во время похода она функционировала точно так же, как и Оружейная палата, - при ней работали мастера, казна пополнялась оружием, преподнесенным царю в качестве даров, необходимые снаряжение и вооружение выдавались отдельным лицам, а также в различные полки русской армии³².

Разряды первой половины XVI в. свидетельствуют о том, что «доспех» находился в ведении оружничего. Отвечать за великокняжеский арсенал в военное и мирное время, по-видимому, было главной обязанностью этого чина. И хотя с 1521 г. по 1565 г. термин «доспех» в разрядах не встречается, при постоянно ничем упоминаются двое «поддатней». С возрастанием значения при дворе чина оружничего стали назначать особого человека заведовать «доспехом» во время похода. Так, во время похода против Литвы 1565 г. «у доспеха» был упомянут «князь Юрий княж Иванов сын Вяземский»³³. Согласно описи походной казны царя Алексея Михайловича 1655 г., ее возглавлял стольник Алексей Иванович Воротынский, что находит подтверждение в разрядах похода, где он упомянут «с доспехом»³⁴. При отсутствии придворного чина «оружничего» - а его не существовало с 1570 по 1578 г. из-за опалы князя Афанасия Ивановича Вяземского, - по

2. Нож подсаадочный с ножнами князя Андрея Ивановича Старицкого. Россия, XVI в. Музей «Московский Кремль»

мнению А.А. Зимина, человек, ведавший «доспех» в походе, выполнял его функции при дворе³⁵.

Термин «мастеры», который также употреблен в разрядах встречи послов за 1537 г., скорее всего, относится к «жалованным государевым мастерам Оружейной палаты». Такая группа существовала при ней на протяжении всего XVII столетия, занимаясь изготовлением предметов вооружения и снаряжения непосредственно для государя и его двора.

Таким образом, можно утверждать, что уже в 1537 г. существовали две составные части Оружейной палаты - оружейная казна и мастерская. Следует отметить, что упомянутый в документе прежний оружничий Н.И. Карпов занимал этот пост после окольникового Андрея Михайловича Салтыкова с 1512 по 1537 г., из чего следует, что оружейная казна и мастерские существовали с начала XVI в., то есть с момента зарождения самого термина «оружничья палата». И уже тогда это было достаточно солидное учреждение. Не случайно в разрядах за 1512 и 1521 гг. наряду с оружничим упоминаются два его помощника, «стряповших при

доспехе»³⁶. Один из них, князь Юрий Иванович Щетинин, впоследствии сам стал оружничим³⁷.

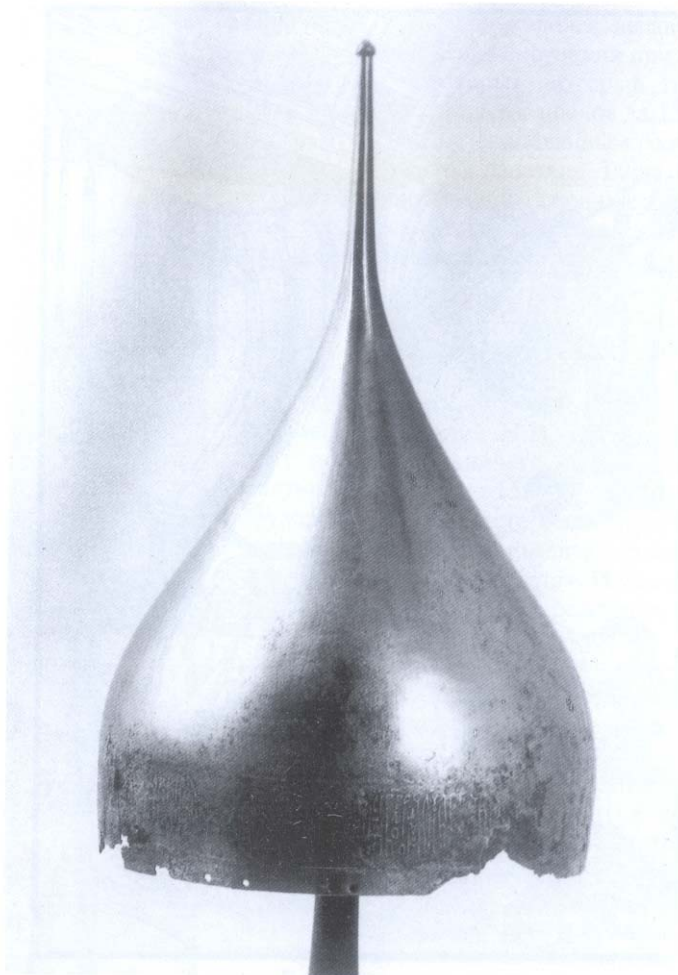
Новый этап в истории Оружейной палаты начался во второй половине XVI столетия. Завершение создания централизованного Российского государства, организация армии с центральным подчинением, активная внешняя политика привели, по мнению А.А. Зимина, к возвышению двух придворных чинов - конюшего и оружничего³⁸. Организационно же эти изменения выразились в создании Бронного приказа. Специальных работ, посвященных его истории, нет. В схеме приказной системы России XVI-XVII столетий, составленной А.К. Леонтьевым, он, вместе с Оружейной палатой и Оружейным и Ствольным приказами, указан среди незначительных военных ведомств³⁹. Автор при этом допускает ошибку, так как Оружейный приказ, основанный в первые годы царствования Михаила Романова, включал в себя и Оружейную палату, и приказ Ствольного дела. В начале 60-х годов XVII в. он был переименован в приказ Государевой Оружейной палаты. Что касается Бронного приказа, то в XVII в. его уже не существовало, а Ю.В. Арсеньев называет его предшественником Оружейного приказа⁴⁰.

2. Комплект вооружения русского воина середины XVI в. Гравюра из книги: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. Базель, 1556

В 1949 г. ленинградский историк Д.Н. Альшиц обнаружил и опубликовал документ, датированный 1573 г. и представляющий собой список служилых людей государева двора царя Ивана Грозного, в котором числится 1854 человека с указанием окладов для лиц высшего состава, а для обслуживающего персонала -

обязанностей, оплаты и корма⁴¹. Автором он был назван «Список опричного двора Ивана Грозного»⁴². Список является копией, снятой во второй половине XVIII в. с документа XVI в., однако его подлинность никогда не вызывала сомнений у историков. Документ состоит из двух частей. Первую часть, где упомянуты 654 человека, Д.Н. Альшиц охарактеризовал как охранный корпус царя, его гвардию, из которой рекрутировались доверенные царские порученцы, осуществлявшие уп-

3. Шелом царевича Ивана Ивановича. Россия, XVI в. Музей «Московский Кремль»

равленческие, охранные, разведывательные, следственные и карательные функции. Вторая часть - это перечень 1200 человек, состоящих на службе в "приказах: Постельном, Бронном, Конюшенном и Сытном. Именно эти сведения представляют для нас исключительный интерес.

Согласно этому списку, Бронный приказ в 1573 г. входил в число дворцовых учреждений. По своему составу он напоминает Оружейный приказ XVII в. В нем лилось около 100 человек. Во главе Бронного приказа стояли дьяки – братья Угрим и Десятой Непоставовы⁴⁴. Однако в их ведении, скорее всего, находилось не руководство деятельностью самого ведомства, а его делопроизводство. Непосредственный глава учреждения, как правило, в списки такого рода (перечни, списки выдачи годового жалования или норм окладов и т. п.) не включался. В XVII столетии Оружейный приказ, как мы знаем, возглавлял оружничий, либо лицо, выполнявшее его функции. В «Записке о царском дворе» за 1610 г. говорится, что «оружничья полата» приказана «боярину да дьяку»⁴⁵. Можно предположить, что в рассматриваемый нами отрезок времени главой Бронного приказа являлся Богдан Яковлевич Вельский, который, по записям в разрядных книгах, участвовал

в походах «при доспехе», то есть выполнял функции оружничего⁴⁶. В настоящем списке он находится среди ближайших к царю людей с денежным годовым окладом в двести пятьдесят рублей⁴⁷. Летом 1578 г. во время похода в Ливонию Б.Я. Вельский официально получил звание «оружничего государева полка» и оставался им до своей трагической гибели в 1610 г.⁴⁸

Основу приказа составляли мастера - «бронники», причем под этим термином подразумевались не только специалисты по производству брони, но и изготавливающие холодное оружие и снаряжение. В XVI столетии оборонительное вооружение - «броня» - составляло основу экипировки воина. Поэтому не случайно, что термин «бронник» использовался для определения оружейных мастеров вообще, а главное учреждение, в ведении которого в XVI в. они находились, называлось Бронный приказ. Бронной именовалась и слобода - одно из мест компактного расселения оружейников в Москве. В составе приказа среди бронников числились три сабельника, три наводника (ошибочно названные Д.Н. Альшицом точильщиками оружия⁴⁹, а на самом деле являвшиеся наиболее квалифицированными мастерами, украшавшими оружие золотой наводкой), двадцать пять чищельников, три строчника, два саадачника, четыре ножевника, четырнадцать панцирников, один копейный мастер, пять лучников, три проволочных мастера, четыре стрельника, два железника, один тохтуиник, один хозник, один костник, один пряжник⁵⁰. Некоторые из перечисленных в документе специальностей передают сам процесс работы. Например, «шапки выбивает Ивашко Федоров» или «юшманные доски кует Васька Леонтьев»⁵¹. Обращают на себя внимание два факта. Во-первых, количество и состав мастеров не предполагает массового производства для нужд русской армии. Скорей всего, мы имеем дело с группой «жалованных» оружейников, изготавливавших оружие и снаряжение только для государя и его двора. Во-вторых, весьма значительно число мастеров-чищельников, работавших в приказе. По аналогии с XVII столетием, в круг их обязанностей входило поддержание хранившегося в казне оружия в должном состоянии, его ремонт и чистка. По их численности мы вполне можем судить о размерах этой оружейной казны. Если в 1662 г. - а этот период считается временем расцвета Оружейной палаты - в ее составе работало шесть чищельников, то в 1573 г. их было двадцать пять⁵². Таким образом, есть все основания предполагать, что Кремлевский арсенал в XVI столетии по размеру не только не уступал арсеналу XVII в., но даже превосходил его.

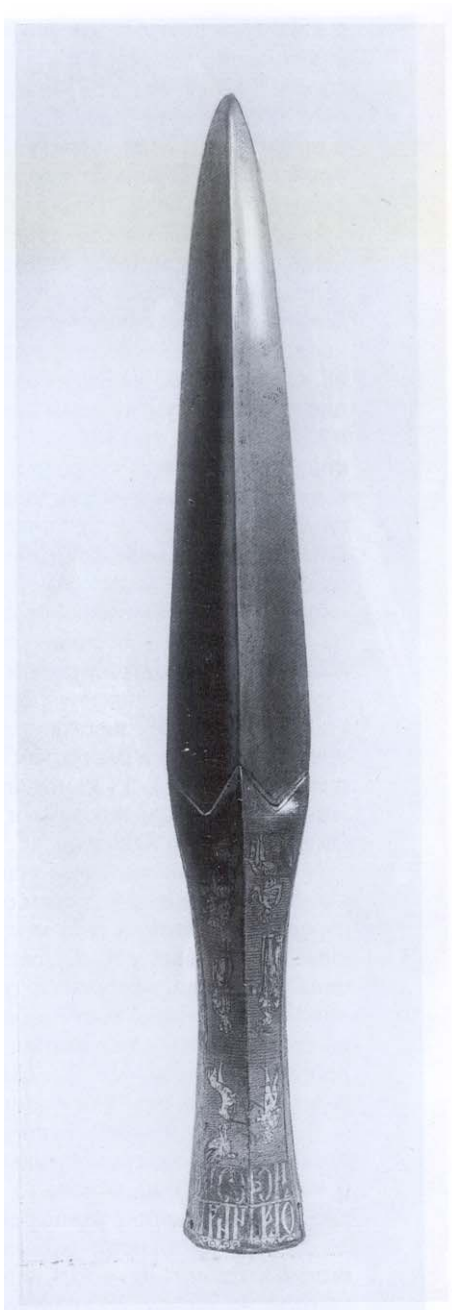
Все бронники были распределены по группам с различным уровнем жалования, по-видимому в зависимости от опыта и мастерства, но не по узкой профессии, как это стало в XVII столетии. Первыми названы шеломник Иван Савин и сабельники Офоня и Муха Горусины. Это были лучшие мастера приказа, так как имели не только наивысшее денежное жалование по пять рублей денег в год, но и землю, что само по себе уникально и не имеет аналогов в более позднее время⁵³. Можно предположить, что шеломник Иван Савин, стоящий в списке первым и поверстанный земельным окладом в сто четвертей (средний надел сына боярского - служилого человека «по-отечеству»), выполнял функцию старосты мастеров-бронников. Об уровне работ русских шеломников мы можем судить по сохранившимся памятникам - шеломам Ивана Грозного и его сына царевича Ивана Ивановича (ил. 4). В описи оружия Бориса Годунова, разговор о которой будет вестись несколько ниже, упоминается еще один шлем, находившийся в момент составления документа в работе у мастера: «Шелом железный, наведен золотом, недоделан, венец золотой, по венцу травы чеканные, промеж трав слова подпись имя Бориса Федоровича, по венцу четыре изумруда, да четыре яхонта лазоревых, да четыре лалы, все в гнездах золотых, ушей и городка нет»⁵⁴.

Денежное жалование других оружейников ниже, но и при этом достаточно велико - пять-три рубля денег и хлебный корм⁵⁵.

В особую группу отдельно от бронников с окладом по шесть и семь рублей выделены «мастера самопальных пищалей»⁵⁶. Их число невелико - три человека, о свидетельствует о соотношении применения холодного и огнестрельного оружия в это время.

Насколько можно судить по именам, основу приказа составляли русские мастера, но работали и иностранцы - волошане (молдаване или румыны) - шеломники Микита Чеусов и Михаил Климов, строчник Атман Новокрещенов, который, по-видимому, был выходец с Востока. Из трех мастеров самопальных пищалей трое были европейцы - Ганус Петров и немчин Михайло Семенов. Наличие иностранных мастеров-оружейников неслучайно. Известно, что после взятия Полоцка всех попавших в плен артиллеристов, оружейников, медников, слесарей царь Иван Грозный пригласил в свой лагерь, «осмотрел и переписал» и тем, кто пожелал поступить к нему на службу, обещал «большое жалование» и «таким образом многие согласились поступить к нему на службу»⁵⁷.

Кроме мастеров в состав Бронного приказа входили пять самопальных стрельцов⁵⁸. Этот вид службы сохранился и в XVII в., но уже просто под названием «самопальные». В круг их обязанностей входил контроль за мастерами, охрана палат сопровождение царского оружия во время походов, а также проверка готового оружия. Возможно, во время походов и охот самопальные стрельцы выполняли функции охраны особы государя. В записке 1610 г. отмечалось, что во время процессий перед государем «едут самопальники»⁵⁹. Упоминаются в документе и три сторожа «верхней казны» с денежным окладом в шесть рублей и кормом «четырнадцать четей с полусосьминой ржи и четырнадцать четей с полусосьминой овса, пятью пудами соли и пятью полатями мяса в год»⁶⁰. Д.Н. Альшиц считает, что при копировании этого документа в XVIII столетии была допущена ошибка, и «сторожа верхней казны» должны находиться в составе другого приказа - Постельного⁶¹, такая точка зрения ошибочна. Во-первых, если мы обратимся к документам Оружейной палаты XVII в., то среди ее сторожей обязательно встретим и «сторожа верхней казны». Термин «верх», «верхняя казна», «верхний палаты», «на верх» их используется в качестве определения главного арсенала, или «большой казны - собрания царского оружия»⁶². Во-вторых, вполне возможно, что сама оружейная казна располагалась в XVI- начале XVII в. в верхних палатах Набережного Дворца. В той же «Записке о царском дворе...» при описании дворцовых служб отмечалось: « В в е р х у (разрядка автора.- А. Л.) на то устроено место, где делают про государя златые утвари и серебряные, подле того оружничья палата»⁶³. Таким образом, нахождение «сторожей верхней казны» среди служащих Бронного приказа совершенно закономерно, и это является еще одним подтверждением того что Оружейная (или оружничья) палата входила в состав этого приказа.

4. Рогатина Великого князя Тверского Бориса Александровича. Россия, XV в. Музеи Московского Кремля.

До настоящего времени в собрании музея «Оружейная палата» сохранилось немного памятников, которые могли входить в государеву оружейную казну XVI в. Среди них подсадачный нож князя Андрея Старицкого (ил. 2), шлем царевича Ивана Ивановича, рогатина тверского князя Бориса Александровича (ил. 5) и доспех, подаренный послом Речи Посполитой Львом Сапегой царю Федору Ивановичу⁶⁴. В Швеции, в Стокгольме, в Королевском арсенале хранится прекрасный шлем Ивана Грозного, украшенный золотой насечкой. Летописное известие за 1547 г. в Царственной книге сопровождается миниатюрой, на которой изображены объятые пламенем каменные здания и рядом «воинское оружие»⁶⁵. Отчетливо видны шлемы характерной формы с бармицами, с наушами и затыльниками, прикрепленными для защиты лица и затылка воина. Виден оборонительный доспех, много сабель и копий, боевой топор. Все это дало повод

еще Г.Л.Малицкому отметить, что «оружничья палата» была здесь впервые упомянута «именно как хранилище оружия»⁶⁶. Отношение к этой казне, особенно во второй половине XVI в., было чрезвычайно внимательным. Об этом можно судить по ответу Ивана Грозного на вопрос Стефана Батория, получившего от царя после заключения мира в подарок красных кречетов и пожелавшего отдарить его тем, что он больше всего любит. Царь ответил, что он «охотник до аргамаков, до жеребцов добрых, до шапок хороших железных с наводом, пищалей ручных, чтоб были добры, цельны и легки»⁶⁷.

В «Записке о царском дворе», составленной для королевича Владислава, существует краткий перечень «государской всей сброи», где упоминаются «латы и бахтерцы, зерцала и юшманы, и кольчуги, и панцыри, и шапки булатные, и шеломы, и сабли, и самопалы, и копья, и рогатины»⁶⁸. О размерах палаты в начале XVII в. можно судить по запискам Хуана Персидского, по мнению которого арсенал Кремля был настолько велик, что можно было вооружить 20 тыс. всадников⁶⁹. В 1865 г. П.И. Савваитов опубликовал чрезвычайно интересный документ, обнаруженный им в архиве Оружейной палаты - «Опись платья, оружия, ратного доспеха и конского прибора царя Бориса Федоровича Годунова за 1589 год»⁷⁰. Следует отметить, что на царство Б.Ф. Годунов был избран лишь 1598 г., и поэтому мы не можем рассматривать эту опись как список оружия и снаряжения, хранившихся в государевой Оружейной палате. Хотя в дальнейшем после 1598 г.) все эти вещи, скорее всего, попали в царскую казну. Для нас особый интерес представляет состав и характер оружейной казны первого человека и правителя России. Основу ее составляли образцы парадного и церемониального оружия. Это группа саадаков, куда входили три «нахтермянных», два «писанных харских» и один, обращающий на себя особое внимание. Колчан и налуч были «поволочены бархатом черевчатым», украшены серебряной, позолоченной и проканфаренной каймой и такими же накладками, наведенными «финифты синим да ченым, а промеж косок наведены финифты белые». Ремень налуча был украшен девятью человеческими изображениями «серебряны и золочены» и двумя лазоревыми с золотом кистями, а на колчане была приделана «чепь серебрянна золочена, на вертлугах, звончата» с 11 литыми звеньями, на концах которых было закреплено по жемчужине, а «в звеньях по бирюзе в гнездах»⁷¹. Следует отметить, что (VI-XVII вв. три саадака («большой», «нахтермянный» и «писанный»), наряду с копьем, рогатиной, сулицей и пищалью, входили в состав ритуального комплекта, носимого рындами в ходе царского воинского церемониала. В описи перечислены 22 лука, которые различались по месту производства: «турские», «едринские», ухарские», «крымские» и «московские», а также стрелы к ним⁷². Сабли - их было пятнадцать - в основном представлены восточными образцами (турецкие - 10, «кизилбашские», то есть иранские - 3,) и одной венгерской⁷³. Все они имели булатные с золотой насечкой клинки и богатое украшение из драгоценных металлов камней на ножнах и рукоятях. Из холодного оружия в состав казны входили так же две «бруси аспидень» (булавы с навершием из камня, отделанного гранями), клевец «турский», шестопер, два турецких наведенных золотом топора (один из них , по документу, был отдан Ивану Микитичу Юрьеву), 13 турецких, бухарских и литовских ножей, 5 (2 английских, 2 немецких и одна московская) рогатин, украшенных «золотым наводом» и шелковыми кистями, и 2 (черкасское и московское) копья с золотой наводкой⁷⁴.

Было представлено и огнестрельное оружие - шесть самопалов и один «аркебуз литовский». Приведем описание одного из них: «Самопал съежий, ствол весь стравлен водками, в трех местах золочен золотом парным; замок Ливонской (видимо колесцовый.- А. Л.); сверх колеса обод; и над колесом и кругом колеса золочена образинка; замок весь травлен водками; по краям каймы золоченые,

станок яблоневый, резаны кости мелко, люди на конях и пеши, птицы и звери; на лагалище бархат черевчат кармазин; у привязки пряжки и наконечники, и запряжники серебряны, золочены»⁷⁵. Все самопалы были оснащены замками: «ливонскими» (видимо колесцовыми) или «свицкими» - кремнево-ударными. Наиболее широко было представлено оборонительное вооружение. Оно состояло из двух щитов железных, 89 «шемахейских», «кизилбашских», «литовских» московских» шоломов, 23 английских, немецких и московских шапок, 88 московских и немецких панцырей; «дощатого доспеха», в состав которого входило 19 цал, 14 юшманов, 16 бахтерцев, литовские и немецкие латы, два немецких ечья от лат, двух пар наручей и «колчатого доспеха» (две полубойданы, 80 ьчуг на гвозде, 20 кольчуг немецких с сеченым кольцом)⁷⁶. Из снаряжения в си упоминались 21 чемоданец для зеркал и юшманов, «трубничная рухлядь», а же 30 «людских» саадаков⁷⁷. Все перечисленное выше, а также немного сохранившееся до нашего времени оружие дает возможность предположить, что подобные предметы вооружения в еще большем количестве могли составлять и казну государевой Оружейной палаты в XVI столетии.

6. Байдана Бориса Годунова. Россия, XVI в. Музей «Московский Кремль»

Подведем некоторые итоги. Несомненно, XVI в. занимает особое место в истории Оружейной палаты Московского Кремля. Именно в это период происходит окончательное формирование этого учреждения, появляется само название, действующее вплоть до настоящего времени. Можно определить примерное время создания. По всей видимости, это 1508 г. Именно тогда было закончено строительство Набережных хором, где в XVI-XVII вв. располагались помещения оружейной казны и мастерская. На это же время падает и учреждение придворного чина оружничего - главного хранителя этой казны.

Основой для ее формирования послужил великокняжеский «доспех». На ранних этапах истории он представлял собой боевой арсенал, где хранилось личное оружие князя и его дружины, а позднее и «двора». Вероятно, именно этим можно объяснить практически полное отсутствие оружия в духовных грамотах великих московских князей. Арсенал как составная часть «двора» - основной вооруженной силы князя, опоры его политического могущества - не делился, а полностью переходил к главному наследнику. К середине XVI столетия его боевое значение падало и он превращается в хранилище драгоценного церемониального, парадного охотничьего оружия российских самодержцев.

Уже в начале XVI в. функционировали две основные структурные единицы оружейной палаты: «доспех» - оружейная казна - и «мастеры» - мастерская по производству оружия, во главе которых стоял оружничий и целый штат «стряповших при доспехе».

Во второй половине столетия Оружейная палата в составе дворцового Бронного приказа принимает свою окончательную форму, просуществовавшую вплоть до XVIII в. И уже тогда, возможно, являлась не только местом изготовления и хранения царского оружия, но и выполняла общерусские функции. К сожалению, отсутствие источников дает нам возможность лишь предполагать, что приказ осуществлял контроль за производством и распределением вооружений для русского войска. Однако все необходимые предпосылки, а именно отсутствие удельных княжеств, наличие крупных государственных производственных центров, жесткий контроль над ремесленным населением городов и единое войско, для этого уже таись.

Итак, шестнадцатое столетие - важнейший и вполне самостоятельный этап в многовековой деятельности Оружейной палаты. К сожалению, из ее состава XVI в. до нас дошло лишь несколько уникальных образцов парадного и боевого кия, созданных русскими и зарубежными мастерами. Однако уровень сохранившихся памятников, описания не дошедших до нас образцов оружия, количественный состав мастеров (в 1573 г. здесь работало 93 человека, а в 1658 г. - 73 человека)⁷⁸ говорят о том, что расцвет в деятельности Оружейной палаты, о котором мы говорим в основном по отношению ко второй половине XVII в., начался несколько раньше - в шестнадцатом столетии и, естественно, продолжился в последующее время.

¹ См.: Малицкий Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная иная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 507-561.

² См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI-XVII веках. М., 1872. Ч. 1. С. 84.

³ См.: Леонтьев А. К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 315.

⁴ См.: Арсеньев Ю. В. К истории Оружейного приказа при царе Михаиле Федоровиче. СПб., 1903; Он же. К истории Оружейного приказа в XVII веке. СПб., 1904.

- ⁵ См.: Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. С. 1-59; Ларченко М. Н. Новые данные о мастерах оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы исслед. Гос. Музеи Московского Кремля. М., 1976. 2. С. 24-39.
- ⁶ См.: Шмидт С. О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги // Материалы и исслед. Гос. Музеи Московского Кремля. М., 1976. 2.
- ⁷ Царственная книга - официальная лицевая летопись времени Ивана Грозного. Хранится в отделе Рукописей и старопечатных книг ГИМ (Синодальное собрание, № 149; см: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1970. С. 128-130).
- ⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 454,455.
- ⁹ См.: Шмидт С. О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги. С. 13.
- ¹⁰ См.: Шмидт С. О. Сколько лет Оружейной палате // «Известия», 6 мая 1978, № 108.
- ¹¹ См.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 227.
- ¹² См.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. С. 51, 387-400.
- ¹³ См. Шмидт С. О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги
- ¹⁴ См.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 355.
- ¹⁵ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI-XVII веках. Ч. 1. С. 45-48.
- ¹⁶ Там же. С. 48.
- ¹⁷ См.: Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т. 1, ч. 1. С. ИЗ.
- ¹⁸ См.: Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Волжского летописания // Восточная Европа в древности и в Средневековье. М., 1978. С. 121; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435.
- ¹⁹ См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 144; Он же. О составе дворцовых учреждений Русского государства в конце XV и XVI веках // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 143.
- ²⁰ См.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV веках. Л., 1976. С. 94.
- ²¹ См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства в конце XV и XVI веках. С. 143.
- ²² См.: Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV веках. С. 92.
- ²³ См.: Епифанов П. П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. I. С. 337.
- ²⁴ См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства в конце XV и XVI веках. С. 142.
- ²⁵ См.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 65.
- ²⁶ См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства в конце XV и XVI веках. С. 188.
- ²⁷ Разрядная книга 1475-1605 годов. Т. 1, ч. 1. С. 132.
- ²⁸ Там же. С. 185.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 587.
- ³⁰ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 55.
- ³¹ РГАДА, ф. 396, Оружейная палата, оп. 1, ч. 5, ед. хр. 5835.
- ³² Там же, ед. хр. 5836; 5842.
- ³³ Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 223.
- ³⁴ РГАДА, ф. 396, Оружейная палата, оп. 1, ч. 5, ед. хр. 5835, л. 51; Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 3. С. 473.
- ³⁵ См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства в конце XV и XVI веках. С. 200.
- ³⁶ Разрядная книга 1475-1605 годов. Т. 1, ч. 1. С. 132.
- ³⁷ Там же. С. 334.
- ³⁸ См.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства в конце XV и XVI веках. С. 196.
- ³⁹ См.: Леонтьев А. К. Государственный строй. С. 315.
- ⁴⁰ См.: Арсеньев Ю. В. К истории Оружейного приказа при царе Михаиле Федоровиче. С. 4.
- ⁴¹ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. М.; Л., 1948. Т. 4. С. 5-40.
- ⁴² Такая трактовка была неоднозначно воспринята рядом исследователей (см.: Яковлева О. А. вопросу о списке служилых людей 7081 (1573) года // Записки научно-

исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1951. 13. С. 21-23).

⁴³ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 20-30.

⁴⁴ Там же. С. 12.

⁴⁵ АИ.Т. 2. С. 355.

⁴⁶ Разрядная книга 1475-1605 годов. М., 1982. Т. 2, ч. 2. С. 319.

⁴⁷ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 20.

⁴⁸ Разрядная книга 1475-1605 годов. Т. 2, ч. 3. С. 543.

⁴⁹ См.: Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 189.

⁵⁰ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 40,41.

⁵¹ Там же. С. 40.

⁵² Там же. С. 40,41.

⁵³ Там же. С. 40.

⁵⁴ Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и некоего прибора. СПб., 1865. С. 21-38.

⁵⁵ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. С. 40,41.

⁵⁶ Там же. С. 41.

⁵⁷ См.: Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4, ч. 1. С. 121.

⁵⁸ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после : 1572 года. С. 42.

⁵⁹ АИ.Т. 2. 355.

⁶⁰ См.: Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после : 1572 года. С. 42.

⁶¹ там же.

⁶² РГАДА, ф. 396, Оружейная палата, оп. 2, ч. 2, ед. хр. 936, л. 1.

⁶³ АИ. Т. 2. С. 355.

⁶⁴ Нож князя Андрея Старицкого - инв. № Ор-64/1-2, сталь, кость, дерево, кожа, ковка, насечка золотом, резьба; шлем царевича Ивана Ивановича - инв. № Ор-9, сталь, ковка, насечка золотом; рогатина великого князя Тверского Бориса - инв. № Ор-57, сталь, серебро, ковка, гравировка, золочение, в музее хранится также байдана Бориса Годунова - инв. № Ор-36, сталь, ковка (ил. 6).

⁶⁵ См.: Шмидт С.О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги С. 12,13.

⁶⁶ См.: М а л и ц к и й Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля. С. 514.

⁶⁷ См.: С о л о в ь е в С.М. История России с древнейших времен. Спб., 1894. Кн. 2. Стб. 334.

⁶⁸ АИ. Т.2. 355.

⁶⁹ ЧОИДР. 1899. Кн. 1. Отд. 3. С. 7-19.

⁷⁰ См.: Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспе-и конского прибора. С. 34.

⁷¹ Там же. С. 21.

⁷² Там же. С. 23-27.

⁷³ Там же. С. 27-30.

⁷⁴ Там же. С. 30-32.

⁷⁵ Там же. С. 33.

⁷⁶ Там же. С. 34-38.

⁷⁷ Там же. С. 38.

⁷⁸ РГАДА, ф. 396, Оружейная палата, оп. 1, ч. 7, ед .хр. 8490.